

АНАСТАСИЯ ГРАДЦЕВА

НЕ ТРОГАЙ!

Это на Новый год,

Анастасия Градцева

Не трогай! Это на Новый год

«Автор»

2023

Градцева А.

Не трогай! Это на Новый год / А. Градцева — «Автор», 2023

Ненавижу Белова! Это из-за него мы встряли по-крупному и теперь должны собрать до 1 января немыслимую для двух студентов сумму. Я паникую, а он сияет своей невозможной улыбкой и говорит, что есть идея. Что-что ты предлагаешь, Белов? Поработать Дедом Морозом и Снегурочкой на праздниках и закрыть долг? С ума сошел? Чтобы я, гордость факультета, развлекала пьяных людей на корпоративе? Да еще и с тобой? Впрочем, ладно. Вариантов нет. Поехали. Только держи руки при себе, Белов, потому что ты мне не нравишься, понял? Ни твои широкие плечи, ни твои синие глаза. У нас деловое партнерство, и ничего больше. И... я уже говорила, что ненавижу тебя, да?

Содержание

Глава первая, в которой становится понятно, почему я терпеть не могу Белова	5
Глава вторая, в которой Снегурочка оказывается в очень неприятном положении	10
Глава третья, в которой происходит ужас, а потом появляется план	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Анастасия Градцева

Не трогай! Это на Новый год

Глава первая, в которой становится понятно, почему я терпеть не могу Белова

– Белов!

– А почему сразу я? – ухмыльнулся Ярослав Белов, это ходячее синеглазое недоразумение, этот позор всего факультета и моя личная головная боль.

– А кто кроме тебя? – взвизгнула Ольга Петровна. – Повыступай мне тут еще! Что это такое, я тебя спрашиваю?

И она возмущенно ткнула пальцем в сторону большой цветастой кастрюли, бодро стоявшей посреди преподавательского стола.

– Это кастрюля, – пожав плечами, ответил Белов. По аудитории пронеслись сдавленные смешки.

– Я вижу, что кастрюля! Что в ней?

– Борщ.

Смех стал громче. Ольга Петровна сдвинула брови:

– И что кастрюля с борщом делает на моем столе, Белов?!

– Ну епта. Стоит. Вы разве сами не видите?

– Ты...ты! – кажется, Ольга Петровна была уже на пределе, ее круглое лицо стало красным, точь-в-точь, как свекла, из которой варили этот идиотский борщ. Надо было спасти ситуацию, потому что кому-то лишь бы поржать, а на носу, между прочим, зимняя сессия! И один из экзаменов нам как раз сдавать Ольге Петровне. Надо было срочно что-то придумывать, иначе никто в нашей группе ей с первого раза не сдаст.

– Простите, пожалуйста! – вскочила я, неловко поправляя очки. – Это... это на самом деле моя кастрюля. Моя и Ярослава. Там...э-э-э... суп на благотворительность! Мы после лекций поедем на кухню для бездомных и отвезем его туда.

– Допустим. Но почему вы оставили его здесь, Александра? – поджав губы, спросила она, но уже более спокойным голосом. У Ольги Петровны не было причин мне не верить – я считалась настолько круглой отличницей, что меня можно было в палате мер и весов выставить. А еще я была ответственной старостой группы и переживала не столько за свою успеваемость, которая была идеальной, сколько за оценки всех этих идиотов, главным из которых был, несомненно, Белов, перепортивший мне уже немало крови. То, что его до сих пор не выгнали, я считала своей личной заслугой.

– Не успела отнести в студсовет, – повинилась я. – Боялась опоздать на занятие.

– Отнесите сейчас, – распорядилась Ольга Петровна, заметно смягчившись. – Белов, а ты чего сидишь как на именинах? Быстро встал и помог!

Ухмыляющийся Белов не торопясь выполз из-за парты, взял кастрюлю и вышел с ней в коридор.

Я закрыла дверь аудитории и гневно ткнула в него пальцем:

– Ты опять нарушаешь дисциплину, Белов!

Правда, у меня вышло не так грозно, как хотелось бы, потому что смотреть на нарушителя пришлось снизу вверх. Росту мне природа не отсыпала, только ума и лидерских качеств.

– Ага, – кивнул Белов рассеянно, как будто совсем меня не слушал, и тут же задумчиво спросил, глядя на кастрюлю: – И куда же тебя спрятать, моя прелесть?

– А в общежитии нельзя было оставить? – вскипела я. – Обязательно нужно было весь этот цирк устраивать?

– В общаге сожрут, – лаконично ответил Белов. – А мне второй раз от Машки борщ не перепадет.

– Почему? – против воли заинтересовалась я.

– Потому что я ее бросил.

Я вздохнула. Машку было жаль, она наверняка переживала. Видимо, в душевных страданиях и заключалась та загадочная «болезнь», из-за которой ее не было сегодня на парах. Но одновременно я думала и о том, какая Машка глупая. Ведь всем известно, что большего раздолбая и бабника, чем Ярослав Белов, у нас в универе не найти.

Пока я об этом размышляла, эти почти два метра бестолковой красоты уже двинулись в сторону лестницы.

– А ну стой, Белов! – опомнилась я. – Куда ты пошел? Студсовет вообще-то в другой стороне!

– Саня, слушай, – проникновенно сказал он, обернувшись и уставившись на меня своими невозможными синими глазами.

– Я не Саня! – привычно рявкнула я. – Саня у тебя в подъезде пиво пьет и сигареты стреляет, а я Александра.

– Ой да хорош выеживаться, Никитина, – ухмыльнулся он. – Ну какой студсовет, а? Что нам с борщом там делать? Я с ним лучше обратно в общагу пойду, буду лично караулить. Как думаешь, а если видеорегистратор от тачки в холодильник воткнуть, поможет? Или один хрен съедят?

– Какая общага, какой видеорегистратор! – не выдержала я. – Что ты несешь, Белов? Нас же Ольга Петровна обратно ждет!

– Александра, – голос Белова вдруг стал низким и хрипловатым, в нем появились пугающие меня чувственные нотки, – ну ты же очень умная у нас, правда? Самая умная и самая ответственная. Ты же придумаешь, что наврать Петровне. Я в тебя верю.

– А ты? – не сдавалась я, хотя от его тона внутри появилось странное щекочущее чувство и щекам вдруг стало жарко.

– А я дурак, что с меня взять? – весело сказал он, а потом вдруг схватил меня своей ручищей, не занятой кастрюлей, притянул к себе и чмокнул в кончик носа. – Все, красавица, я пошел.

– Но у нас потом лекция у Мирошниченко, – растерянно пролепетала я, глядя в спину удаляющемуся Белову. Нервно стянула с себя очки, а потом надела обратно. – Нельзя ее пропускать, иначе экзамен не сдашь. Хотя... Я же могу все записать, а потом дать тебе конспект. И сказать Мирошниченко, что ты к врачу ушел...

Я вдруг замолчала, осознав, что сейчас только что случилось. Белов! Меня поцеловал сам Белов! Нет, жуткий придурок, конечно, но ведь красивый! Все девчонки по нему сохнут. Неужели я ему понравилась? Это ведь он так со мной флиртовал, правда?

Я стояла посреди коридора как зачарованная, трогала кончиком пальца нос, в который Белов так внезапно меня поцеловал, блаженно улыбалась, а уровень моего интеллекта все падал и падал, приближаясь к критической отметке где-то между инфузорией-туфелькой и поклонницами Влада Бумаги.

А потом я вдруг поняла, что мне стоит сходить в студсовет хотя бы одной и для отвода глаз, пошла по дальней лестнице, по дороге завернула в туалет, а когда оттуда выходила, услышала голоса и смех.

– Яр, ну ты и придурок! Серьезно припер эту кастрюлю на пару? – спросил чей-то хриплый незнакомый голос.

– Серьезней некуда! А ты не верил. С тебя пятачок, бро, – весело ответил кому-то... Белов? Ну да, Белов, его голос трудно не узнать.

– Ща, ты сначала прuffy гони, я на слово верить не буду!

– Да вот фотки, я когда врал, а?

– Охренеть. И че было? Петровна тебя заживо сожрала?

– Ниче не было, – отмахнулся Белов. – Меня наша пионерка отмазала.

– Это за какие такие заслуги?

– За красивые глаза, – заржал он.

– Подкатил что ли?

– Епта, думаешь, я совсем отчаялся? Она ж холодная и скучная, как мойва в общажной морозилке. Смысл к ней яйца подкатывать – только отморозишь.

– Ахах, – захохотал второй. – В точку, бро. Яр, ну ты вот как скажешь – так хоть записывай!

Я стояла, молча вжавшись в дверь туалета. Точно, надо записать, чтобы не забыть. Не забыть о том, как легко я превратилась из умной девушки в дуру.

Голоса смолкли, видимо, ребята ушли, так что я рискнула выбраться из туалета и побежала обратно на лекцию.

«Нет, я не буду обижаться на эти недалекие оскорбления, – думала я, закипая от злости. – Много чести этому Белову! Я вообще-то выше мнения всяких идиотов и верно расставляю приоритеты, спасибо моим родителям. Да, у меня холодный аналитический ум и мной не интересуются парни, но это правильно. На первом месте у меня сейчас должна быть учеба и активная общественная работа, а всякими романтическими глупостями пусть занимаются те, кто хочет вместо карьеры сесть дома, рожать детей и варить борщи таким, как Белов! И пусть он хоть сто раз красивый и синеглазый, но придурком от этого быть не перестает!»

Прежде чем зайти в аудиторию, я сняла очки и быстро вытерла глаза рукавом. На бежевой рубашке осталось мокрое пятнышко, но это ровным счетом ничего не значило. А вот Белову я теперь даже слова не скажу. Пусть сам из своих долгов выгребает, придурок.

– Ах какая красота! – прищелкнула языком Ксюха, председатель студсовета, когда я покрутилась перед ней в костюме Снегурочки. – Как будто на тебя шили! А очки сможешь на линзы заменить? А то дети не поверят, что ты новогодняя волшебница. У волшебников не бывает близорукости.

– Очень даже бывает, – возразила я. – Например, Гарри Поттер.

– Хм, – задумалась Ксюха, – И правда. Но слушай, ты ж не Гарри Поттера играть будешь, а Снегурочку! А ей очки вообще никуда не уперлись. Так что там с линзами? Есть у тебя?

– У меня не такой большой минус на самом деле, – неохотно призналась я. – Могу и без очков ходить, если очень нужно.

– Нужно, – категорически заявила Ксюха. – Так, а где Шмаков шляется? Сказала же четко: репетиция в четыре! А уже половина пятого, между прочим.

– Может, он решил не торопиться, – предположила я. – Ведь костюм ему мерить не надо, он же и в прошлом году в нем был.

– Да, но текст еще не репетировали, – не сдавалась Ксюха. – Вот получит он у меня люлей!

И тут, как по заказу, открылась дверь и торжественно вошел Юрка Шмаков, студент четвертого курса, который каждый год играл у нас Деда Мороза. Снегурочки менялись, а его Ксюха никуда не отпускала, потому что найти еще одного мальчика ростом под два метра, с красивым басом и готовностью бесплатно развлекать детей было из области фантастики.

Шмаков вплыл в комнату в накинутом на плечи пуховике и гнусаво продекламировал:

– Я – веселый Дед Мороз, гость ваш новогодний!

Я рассмеялась, а вот опытная Ксюха помрачнела.

– От меня не прячьте нос, добрый я сегодня! – весело продолжал Шмаков.

– Нос, говоришь, не прятать? А что ж ты сам, дедушка Мороз, руку от нас прячешь, а? – ласково спросила Ксюха. А потом рявкнула командным голосом: – Куртку быстро снял! Ну!

Шмаков приуныл и молча сбросил с плеч необъятный пуховик.

– Черт, – тоскливо сказала Ксюха, глядя на его загипсованную правую руку, висящую на перевязи. – Это что такое, дедушка, а? С саней неудачно упал? Олени понесли?

– Олени у Санта-Клауса, – буркнул Шмаков.

– Если бы. По-моему, все олени собрались в нашем корпусе. И ты, блин, главный из них. Что с рукой, спрашиваю?

– На баскетболе упал вчера. Перелом со смещением, – сообщил Шмаков и заискивающе посмотрел на нашего председателя. – Ксюш, да что ты нервничаешь? Думаешь, не смогу с гипсом в костюм влезть?

– Не думаю, а уверена, – отрезала она. – Да даже если бы и смог, как ты это себе представляешь? На праздник придет Дед Мороз, у которого одна рука все время согнута и не двигается? Мы, знаешь ли, планируем вызывать у детей радость, а не жалость. Дебил! Не мог поосторожнее в свой баскетбол играть?

Шмаков, понурившись, молчал. Он был такой несчастный, что Ксюха даже орать на него больше не стала. Зато попросила нагнуться пониже и дала от всей души подзатыльник:

– Больно, – охнул он.

– Так тебе и надо, – мстительно сказала она. Но все-таки потом, сжалившись, вытащила из закровов новогодний подарок с конфетами и сунула ему. – Поправляйся, баскетболист хренов. С Новым, блиндь, годом тебя. Все-все, вали давай отсюда, пока я тебя не прибила.

Когда за Шмаковым закрылась дверь, Ксюха перевела на меня вопросительный взгляд:

– Ну, Александра, что будем делать? Дед твой внезапно ушел на больничный, надо теперь нового искать. Причем срочно, завтра вам уже выступать.

– Ну есть же в студсовете еще мальчики, – ляпнула я. – Кирилл Яшин, к примеру. Он же у тебя постоянно дискотеки ведет.

– Кирилл ростом вот с этот посох, – Ксюха кивнула на обмотанную мишурой палку, стоявшую в углу. – А у нас костюм на Юрку рассчитан, так что тут нужен кто-то комплекции Шмакова. Эх, и почему у нас не физкультурный вуз, а? Там они как на подбор все, а у нас кого ни возьми – рост метр в прыжке. Просто обнять и плакать. Хотя... Подожди!

«Нет!» – мысленно взывала я, уже зная, кого вспомнила Ксюха.

– Белов!

– Нет, только не Белов.

– Почему?

– Он безответственный и неорганизованный.

– Это не проблема, – отмахнулась Ксюха. – В тебе ответственности хватит на двоих. Будешь его контролировать.

– Он неартистичный!

– Ну да, а Шмаков-то у нас прям король сцены! Александра, что ты придираешься, как будто мы Шекспира ставить решили? Это новогодний утренник, тут все просто: вышел, слова сказал, елку зажег, хоровод поводил, подарки раздал, сфотографировался и готово.

– Белов неосознательный, – привела я последний аргумент. – И точно не захочет участвовать в благотворительном празднике!

– Ну конечно, захочет, – усмехнулась Ксюха. – Беру этот вопрос на себя.

– Ну конечно, хочу, – заявил через полчаса Белов, когда его притащили в студсовет. – Все зачеты в зимнюю сессию автоматом – это отличное коммерческое предложение, мне подходит.

Я с упреком посмотрела на Ксюху.

– А ты думаешь, Шмаков у меня за «спасибо» тут в халате и с бородой каждый год ходит? – прошипела она.

Я почувствовала себя идиоткой, ведь именно так я и думала. Потому что лично я согласилась быть Снегурочкой на детском празднике за спасибо. Ну и еще немножко за идею. А тут, оказывается, все продается и покупается...

– Что, Саня, зажжем завтра с тобой елочку, а? – развязно подмигнул мне Белов.

– Сколько раз тебе говорить, что я не Саня, – прошипела я. – Меня зовут Александра. Так сложно запомнить?

– Зачетный костюмчик, кстати, тебе идет! – продолжал он, как будто меня не услышал. – Я бы только юбку покороче сделал.

И тут я не выдержала.

– Я слишком скучная и холодная для того, чтобы носить короткую юбку, – ядовито сказала я. – Вот ты когда-нибудь видел мойву в мини?

Лицо Белова сменило последовательно несколько выражений: сначала оно было обескураженным, потом виноватым, а затем вдруг расплылось в широкой улыбке.

– Ого, а ты, оказывается, язва! Да еще какая! Не ожидал. Респект, Сань! Ты только поосторожнее, я ведь так и влюбиться могу. Кстати, встречный вопрос: а разве хорошим девочкам можно подслушивать чужие разговоры? Я вот думал, что нет.

– А что у вас тут такое происходит? – с любопытством спросила Ксюха, которая слушала нас с открытым ртом. – Вы мутите что ли?

– Да! – заржал Белов. – Саня – моя тайная любовь, ты разве не знала?

– Нет! – вспыхнула я. – И хватит глупости всякие говорить. Давайте уже репетировать.

Костюм на Белова сел просто отлично и смотрелся на нем даже лучше, чем на Шмакове. Тот, несмотря на высокий рост, был не очень мощного телосложения и поэтому под шубу надевал подплечники, а Белову они не понадобились – у него свои плечи имелись.

– Красавчик, – похвалила его Ксюха. – Текст успеешь до завтра выучить?

– Нет, – на голубом глазу соврал Белов и обаятельно улыбнулся. – У меня ужасная память.

Я аж задохнулась от такой наглости. И это говорит человек, который на экзамене по истории экономических учений пятнадцать секунд смотрел на шпаргалку к билету, а потом воспроизвел все преподавателю слово в слово?

– Неправда! Он может выучить! – попыталась я сдать его Ксюхе. Но та на меня недовольно зыркнула:

– Александра, ну хватит уже на него давить. Пусть говорит завтра от себя, своими словами, а все стихи и поздравления на тебе будут. В твоей-то памяти я уверена на сто процентов: кто у нас тут на красный диплом идет?

– Вот и договорились, – ослепительно улыбнулся Белов, который опять добился, чего хотел. – Так, девушки, с вами очень хорошо, но мне пора бежать.

– Завтра не опаздывать! – строго сказала я. – В восемь утра ты должен быть в детском саду номер сто восемнадцать. Как штык!

– Постараюсь, – беспечно ответил Белов, подхватывая чехол с костюмом и забирая посох. – Пока-пока, красавицы!

А когда за ним захлопнулась дверь, Ксюха мечтательно проговорила:

– Классный он, да?

– Нет, – отрезала я.

Меня грызли нехорошие предчувствия: я была уверена, что этот безалаберный придурок завтра все испортит. А отвечать придется опять мне.

Глава вторая, в которой Снегурочка оказывается в очень неприятном положении

– Помада у вас слишком яркая, – заметила заведующая садиком, в кабинете которой я переодевалась в Снегурочку, а потом милостиво добавила: – Но костюм зато хороший, красивый. И блесочки такие, нарядные. Новый сшили? В прошлом году вроде другая шубка была.

– Не знаю, – ответила я, очень стараясь быть любезной. – Меня не было в прошлом году.

– Вот я и думаю, что-то лицо у вас незнакомое, – закивала она. – Жалко, конечно, что вы темненькая. И волосы у вас короткие. Снегурочка же должна быть со светлыми косами – вот тогда настоящая красота! Но... что имеем, то имеем, правда ведь? Вы и так к нам бесплатно, считай, ездите. Грех жаловаться!

«Что ж ты тогда жалуешься?» – мрачно подумала я, но ничего не сказала. Я, как тот кролик из мультика, было вежливой. Иногда даже слишком.

– Ладно, что я тут с вами сижу? Пойду проверю, готова ли группа, – спохватилась заведующая. Но вместо того, чтобы и правда уйти, встала перед зеркалом и начала прихорашиваться: поправила обесцвеченные кудри, сняла толстую шерстяную кофту и накинула вместо нее на плечи темную шаль с яркими цветами. Последним штрихом стали духи, которые она достала из ящика стола и так щедро на себя разбрызгала, что у меня глаза заслезились. Я надсадно закашлялась.

– Аллергия что ли? – подозрительно посмотрела она на меня.

– Н-нет, – просипела я. – Запах... сильный просто.

– А потому что качественный! – гордо сказала она и любовно погладила бутылёк. – В Турции купила. У арабов.

Уже в дверях она вдруг развернулась, качнув монументальным бюстом, и очень по-деловому поинтересовалась:

– Кстати, а дедушка Мороз у нас где? Время-то идет, а ему же одеться надо, загримироваться.

– Скоро будет, – бодро сказала я, внутренне умирая от ужаса. – Он уже подъезжает! Вот совсем-совсем на подходе! Честное слово!

Врать было стыдно. Но что делать? Не могла же я ей сказать, что понятия не имею, где Белов. В восемь утра на крыльце садика его, естественно, не оказалось. Я постояла, подождала, померзла, а потом зашла внутрь и периодически выглядывала в окно, чтобы не пропустить его появление. Но Белова не было. Трубку этот придурок, разумеется, тоже не брал. На часах было уже восемь сорок, и я нервничала. Ужасно нервничала. От нервов сразу же хотелось в туалет, но он находился в конце коридора, а, судя по звуку, там уже весело шумели дети, так что путь туда мне был заказан.

«За что мне это всё?» – горько подумала я. Еще раз набрала Белова, ответа не получила и просто села ждать. А что еще оставалось делать?

– Через пять минут начинаем! – сообщила музыкальный работник, заглядывая в кабинет. – Вам сказали, когда выходить?

– После танца медвежат.

– Нет, теперь все поменялось! Танец медвежат будет в финале, а вы выйдете сразу после песенки про елочные игрушки.

– А она скоро?

– Сразу после стихотворения про Новый год. Потом танец елочек, песня про новогодние игрушки и сразу вы. Запомнили? А Дед Мороз у нас, кстати, где?

Я нервно засмеялась.

– Понимаете... он...

И ровно в этот момент я услышала веселый голос Белова, который раздавался где-то в конце коридора:

– Здрасьте, а если я на праздник иду, то мне куда? Вот сюда и прямо, да? Спасибо! С наступающим вас!

Я едва не расплакалась от облегчения, невежливо отпихнула музыкального работника в сторону и, увидев Белова, замахала руками, точно ветряная мельница:

– Сюда! Я тут!

– Иду! – бодро крикнул он.

Музыкальный работник под шумок куда-то делась, и никто не мешал мне прожигать взглядом шествующего навстречу своей смерти Белова.

Усугубляло все то, что этот поганец не выглядел, как опаздывающий и безумно виноватый передо мной человек: он шел расслабленной уверенной походкой, на ходу подмигивал детям и молоденьким воспитательницам и источал здоровый пофигизм и уверенность в себе. Ох как же я его в этот момент ненавидела!

– Привет, Саня, – доброжелательно сказал он, подходя к двери. Я схватила его за рукав и буквально втащила в кабинет, вместе с посохом и огромным костюмом в чехле.

– Ты охренел, Белов? – шипела я. – Ты вообще соображаешь, что ты всех подвел? Меня! Студсовет! Детей в конце концов! Мы же договорились в восемь! А ты?

– Началось уже? – спокойно уточнил он.

– Да! Нам скоро выходить, а ты...

– А я успею, – пожал он плечами. – Ты же первая выходишь, играешь с ними, а потом уже вместе с мелочью меня зовешь. Так что вообще не вижу причин загоняться. Остынь, Сань. И лицо попроще сделай, а то детей распугаешь.

– Ах ты... Да ты...

– Ваш выход, – страшным шепотом закричала музработник, выглядывая из зала, где шел утренняя.

– А песня про новогодние игрушки?

– Песни не будет, идите уже! Я вам сейчас музыку на выход сыграю.

Я бросила панический взгляд в зеркало, поправила и без того идеально сидящий кокошник, глубоко вздохнула, улыбнулась и выпорхнула, кружась, под какую-то новогоднюю мелодию прямо в центр маленького зала.

За моей спиной стояла пышная елка, а передо мной на маленьких стульчиках сидели дети. Все дети смотрели на меня восторженными круглыми глазами и чего-то ждали. За спинами детей сидели взрослые. Много взрослых! Они тоже на меня смотрели, но более настороженно. И тоже чего-то ждали.

Музыкальный работник доиграла мелодию, убрала руки с клавиш и в свою очередь посмотрела на меня. Похоже, и она чего-то ждала.

А я, холодея, вдруг поняла, что не помню ничего. Вообще! Ноль. Пустая голова. Ни единого слова из всех тех стихов, которые я так старательно учила целую неделю.

Дети молчали, чувствуя подвох. Родители начали хмуриться и тихонько переговариваться друг с другом, а музыкальный работник замахала руками, словно дирижер, как будто это могло мне как-то помочь.

– А вот к нам пришла красавица Снегурочка, – наконец не выдержала она, выразительно моргая в мою сторону. – Давайте с ней поздороваемся, детки! Скажем хором: здравствуй, Снегурочка.

– Здравствуй, Снегурочка, – послушно повторили дети.

– Здравствуйте, – проямлила я, судорожно вспоминая начало своего приветственного стихотворения. Там было что-то про сказку, лед, снежинки. Но в осмысленное предложение

эти рассыпанные бусины никак не хотели собираться. И когда пауза снова затянулась, музыкальный работник еще раз попыталась спасти и меня, и праздник.

– А зачем ты к нам пришла, Снегурочка? – ласковым голосом спросила она, явно наталкивая меня на какую-то мысль. Но я все никак не наталкивалась.

– Ты ведь внучка Дедушки Мороза, правда? – продолжала она.

– Да! – вдруг ухватила я за эту мысль и радостно объявила: – А давайте позовем Деда Мороза! Все вместе! Три-четыре. Дед Мороз!

Дети тоже обрадовались от того, что появилась хоть какая-то определённости, и начали старательно звать дедушку. По всем сказочным правилам новогодний волшебник появляется на третий раз, но мы кричали раз шесть точно. На шестой к нам присоединились не только родители, но и заведующая, лицо которой то краснело, то бледнело.

После седьмого раза, когда я вопила особенно отчаянно, в зал вплыл Белов. Хотя нет, это был не Белов – это был Дедушка Мороз. И я в жизни никому так не радовалась, как ему. Чуть на шею не бросилась, честное слово.

– Простите меня, старика, – пророкотал он низким красивым басом. – Старый я стал, спал крепко, чуть весь праздник не проспал. Хорошо, что вы меня разбудили. Спасибо вам, детки!

– Дедушка Мороз! – восхищенно выдохнули малыши, от восторга привставая со стульчиков. Если бы не строгий взгляд воспитательниц, они бы точно побежали к нему обниматься. Про меня все забыли, и я тихонько отползла к елке.

Надо отдать должное этому придурку Белову – он был хорош. Он плевал с высокой колокольни на весь наш сценарий и на все наши стихи, вместе взятые, зато отлично веселил детей, смешно шутил с родителями и вытащил во время хоровода в общий круг заведующую. Она смущалась, хихикала как девчонка, но в итоге станцевала цыганочку под всеобщие аплодисменты.

Я во время праздника пригодилась два раза: поставить стул Деду Морозу, чтобы он послушал стихи детей, и поддержать мешок, из которого он доставал подарки. А нет, три – я еще в хороводе стояла. Но дети на меня смотрели опасливо и за руку брать не хотели, зато Белова облепили со всех сторон.

Я наивно полагала, что праздник закончится после того, как все получают подарки, но оказалось, что нас ждет еще общая фотография.

– Мальчик слева внизу в синей рубашке, – надрылся фотограф. – Вынь палец из носа. И на меня смотри! Девочка в костюме бабочки, сядь ровно.

Мы стояли в центре и терпеливо улыбались.

– Надо валить, – шепнул мне незаметно Белов. Его горячее дыхание обожгло мне ухо, и это оказалось неожиданно интимным ощущением. Я даже смутилась. – У меня сейчас тепловой удар в этой шубе будет.

– А теперь индивидуальные фото с дедушкой Морозом, – весело объявил фотограф. Белов уставился на него охреневшими глазами, но я уже пришла в себя и бросилась его спасать:

– Индивидуальные фотографии с елочкой, вы хотели сказать? – решительно заявила я фотографу. – Потому что Дед Мороз фотографироваться не может, он уже спешит на север. Нам пора!

И буквально за рукав выволокла Белова из толпы детей. Он махал им варежкой и кричал прощальные слова, но сам в это время очень энергично продвигался к выходу. Даже слишком энергично, если учесть, что Дед Мороз был далеко не молод.

Едва за нами хлопнулась дверь кабинета заведующей, он содрал с себя шубу, шапку и бороду, бросился к окошку, открыл его и блаженно подставил лицо под поток холодного воздуха.

– Кайф! – выдохнул Белов. Влажная челка прилипла у него ко лбу, на висках выступили бисеринки пота, такие же капли были и на цветных пятнах грима, которыми он раскрасил лицо – явно на скорую руку.

А потом повернулся ко мне и, ехидно прищурившись, спросил:

– Ну?

– Что «ну»? – буркнула я, снимая корону.

– Я жду восхищений и извинений.

На самом деле я и правда хотела его поблагодарить, но после такого наглого требования у меня просто язык не повернулся.

– Мне нечего сказать, – с достоинством ответила я.

– Блин, так сложно признаться, что накосячила? Что ты неидеальная и провалила бы все на свете, если бы я тебя не спас?

– Знаешь, спаситель, мог бы и пораньше выйти! – вспыхнула я. – Чего ждал? Пока я окончательно опозорюсь? Я там стояла как дурочка и кричала.

– Никитина, – хмыкнул он, – ты забыла, что вообще-то на этом празднике жизни главной планировалась именно ты? Ты там, епта, конкурсы сначала должна была провести с мелкими, а потом уже меня звать. А сама расписывалась. В итоге я одевался под твои крики максимально быстро, как пожарный на вызов.

Я молчала, отвернувшись и неловко теребя пуговицы на блестящей снегуркиной шубке.

Белов же зашуршал пакетами, достал салфетки и стал стирать с лица краску, периодически на меня поглядывая.

– Ты первый раз что ли с детьми? – дружелюбно поинтересовался он.

– Даже если и первый, то что? – с вызовом спросила я. – Откуда я могла знать, что меня так заклinit? Ты ведь тоже Дед Мороз без опыта.

Он лениво ухмыльнулся и наклонился ко мне. Так близко, что я почувствовала терпкий и на удивление приятный запах разгоряченного тела.

– Серьезно думаешь, что у меня нет опыта, Никитина?

Прозвучало это так многозначительно, что я вдруг покраснела. И от этого еще сильнее разозлилась.

– Про какой опыт ты сейчас говоришь?

– Про разный, – Белов наслаждался моим смущением, а потом вдруг очень просто добавил:

– Я вожатым в детском лагере был. Два лета подряд. Так что да, опыт общения с детьми у меня есть. – Он подмигнул. – И, кстати, тот опыт, про который ты подумала, у меня тоже есть.

– Мне надоело это слушать! Выйди! – вспыхнула я. – Мне вообще-то переодеться надо.

– А может, я хочу посмотреть? Вместо «спасибо»?

– Много хочешь!

– Капец ты душная, Саня, – вздохнул Белов. – Ну хоть на меня тогда посмотри. А то когда еще такая удача тебе привалит.

И он без всякого стеснения снял с себя штаны, оставшись в черных боксерах, и начал стягивать пропотевшую, прилипшую к телу футболку.

– Дурак, – пискнула я и, зажмурившись, вылетела из кабинета.

Ужасный, ужасный день! Так больно по моей самооценке ни разу не били! Зато теперь я точно знаю, чего я никогда-никогда не планирую делать в жизни:

А) быть Снегурочкой

Б) общаться с Беловым.

Но кто бы знал, что судьба любит пошутить и подготовила мне самое настоящее комбо, заставляющее нарушить оба этих пункта.

Глава третья, в которой происходит ужас, а потом появляется план

Как же хорошо, что этот ужасный утренник был в пятницу, а значит, у меня оставалось целых два дня на то, чтобы успокоиться и вернуть свое прежнее самообладание, прежде чем я увижусь с Беловым в университете. Зная его противный характер, я была уверена, что в ближайшие дни стану мишенью для идиотских беловских шуточек. А уж поводов для этих самых шуток у него теперь имелось с запасом.

Всю субботу я сидела дома и готовилась к экзамену, а вечером мне вдруг захотелось пойти и проветрить голову.

– Мам, можно я на каток схожу?

– Не рано ли ты начала развлекаться, Александра? – ответила она вопросом на вопрос и строго сдвинула брови. – Ты сколько билетов сегодня выучила?

– Десять. Даже на один больше, чем планировала.

– А домашние обязанности? Все сделано?

– Пропылесосила ковры, вытерла везде пыль, вынесла мусор, помыла посуду и убралась в ванной.

– Надо еще проверить, как ты убралась, – пробормотала мама. – Может, перебивать все за тобой придется. Ладно, иди. Только недолго. И чтобы дома не позже девяти, ты поняла?

– Поняла!

Я достала коньки и, радостная, помчалась на каток. Кататься я любила. Обожала! Для меня это был лучший способ отдохнуть.

Когда я была маленькой, то ходила в секцию фигурного катания возле дома. У меня очень хорошо получалось, и тренер посоветовала маме отдать меня в школу олимпийского резерва, которая, по счастливой случайности, имелась в нашем не самом большом городе. Вот только находилась она не близко, от дома пришлось бы ехать минут тридцать, и родители не стали меня возить. Они посоветовались и решили, что спорт хорош как дополнение к основному образованию, так что тратить на него так много ресурсов неразумно. Я ужасно тогда расстроилась, долго плакала, а потом смирилась, но на каток ходить не перестала. Это был мой личный антидепрессант.

Вот и сегодня я предвкушала отличные несколько часов, которые поднимут мне настроение.

Как всегда в субботний вечер, каток был переполнен, но меня это не пугало. Я любила эту шумную атмосферу, в ней было особое предновогоднее настроение: звучала музыка, сияли фонари, красиво отражаясь в ледяной глади, повсюду звенел веселый смех и слышался тот самый милый моему сердцу звук, когда конек скользит по льду.

Я переоделась, вышла на лед и поехала, сразу набирая хорошую скорость. Моя душа пела, и все внутри наполнялось невероятным счастьем. Ровно до того момента, когда я вдруг услышала крик:

– Эй, парни, а знаете, кто вон там? Это моя Снегурка!

Голос был слишком знакомым, но во мне еще теплилась надежда, что я ошиблась. Я быстро глянула в ту сторону, откуда кричали, и, конечно же, обнаружила там Белова. В каком-то дурацком ярком свитере, рожках оленя на лохматой башке и в окружении еще нескольких таких же придурков. Он лыбился и махал мне рукой.

– Саня! Давай к нам!

Я отвернулась и поехала в противоположную сторону, делая вид, что не знаю его. От злости у меня даже щеки потеплели, а внутри росло дичайшее раздражение. Ну почему он не может оставить меня в покое? Сдалась я ему!

– Слышь, Яр, не хочет тебя твоя Снегурка, – загоготали парни мне в спину.

Я сжала пальцы в кулаки. Ну зачем они его провоцируют? Нельзя говорить такое Белову, он же...

– Догоню! – лихо заорали сзади меня, и я моментом прибавила скорость. Даже оглядываться не стала, знала, кто мчит за мной. Еще половина круга – и можно будет выскочить в дверь. Быстрее, быстрее, вот так, еще немного...

Бам!

Белов поравнялся со мной, резко обхватил за талию и дернул на себя. Я от неожиданности завалилась на него, но он как-то устоял на ногах, сдал назад, и нас тут же резко толкнул плечом пролетающий мимо подросток. Мы с Беловым, который все еще крепко держал меня, полетели прямо в сторону двери и врезались в девушку, которая по несчастливой случайности именно в этот момент вышла на каток.

На лед мы шлёпнулись все втроем и какое-то время барахтались, пытаюсь встать. Первым встал Белов, подал руку мне, потом той самой девушке.

– Извините нас, – пропыхтела я. Ответа не было. Я обернулась к девушке и увидела, как она достает из заднего кармана телефон и молча смотрит на его покрытый трещинами экран.

Похоже, до падения такого не было.

– Ого, как не подфартило, – активно посочувствовал Белов. – Придется стекло менять, как минимум. Ты извини нас, мы правда не специально.

– Нас просто тоже толкнули, – пояснила я и дружелюбно ей улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.